

Вода затопляет храм Ван-луна

О переселении бригады с реки Баохэ в семьи Вэнь и Лун пока умолчим, а лучше расскажем о происхождении другого семейства.

Издалека придется начать. Говорили, что в древности уезд Гуансянь назывался уездом Цяньдэ и являлся родиной выдающегося героя эпохи Вёсен и Осеней — У Цзысюя. Однако со времен династии Сун из-за спора за право владеть каменной стелой с надписью Родина Ву-сяна, селение Уцзяин на западном берегу за городской стеной и колодец Уцзяцзин внутри города вечно судились, и ни один начальник уезда не мог рассудить их по справедливости, из-за чего были заложены семена для бесконечных междоусобных столкновений в народе. Стоило одной стороне воздвигнуть стелу, как другая сбивалась в шайку и приходила ее крушить; стоило той стороне поднять стелу, как эта непременно отправлялась ее громить. Из-за этого вспыхивали конфликты, и из поколения в поколение погибельно много людей лишалось жизней.

Позже великий литератор Оуян Сю из-за прямолинейных упреков был разжалован и сослан в Цяньдэ на должность уездного начальника. Едва он вступил в должность, как жители по обе стороны реки — оба клана по фамилии У — вновь с шумом и скандалом вломились в зал судебных заседаний, требуя вынести справедливое решение. Оуян Сю велел им явиться за правым приговором через три дня.

В первый из трех дней, рано утром, Оуян Сю переоделся в простое платье и отправился с тайным визитом, наняв лодку некоего старого рыбака по фамилии Сяо, чтобы поплавать по реке Иньхань. В ту пору он был в самом расцвете сил, дерзок и свободен, а его поэтический дар достиг наивысшего расцвета. Полы его одежды развевались на ветру, и, стоя на носу лодки, он при виде речных пейзажей невольно воскликнул: Ветер треплет ивовый пух — безумный странник. Он как раз поглаживал бороду, размышляя над второй строчкой, как вдруг случайно услышал доносившиеся из каюты нежные, словно щебетание ласточки, слова: Мороз тиранит ветки сливы — зябкий отшельник. Оуян Сю был потрясен: он никак не ожидал, что под соломенной крышей скрывается талантливая дева, а потому прочел еще одну строчку, дабы испытать ее мастерство: Зеленые воды от века без туч, да от ветра морщатся брови. Девушка тут же ответила: Зеленые горы от века без лет, да от снега седеют владыки. Оуян Сю изумился еще сильнее и больше не испытывал ни малейшего интереса к тайным прогулкам; он велел рыбаку Сяо пристать к бережку и, даже не сказав дежурной вежливой фразы, уныло сошел на сушу и вернулся в резиденцию, где угрюмо просидел затворником. Ломая голову и перебирая в памяти все мыслимые слова целый день и всю ночь напролет, на следующие сутки он снова нанял ту же лодку, вошел прямо в каюту и встретился взглядом с той женщиной.

Оуян увидел, что девушка была с совершенно ненакрашенным лицом, в грубой полотняной одежде, но обладала удивительным внутренним обаянием; ее нежная кожа походила на нефрит и излучала внутреннее сияние, в котором сквозь белизну проступал румянец, а от румян тонко веяло ароматом. Он не удержался от похвалы: Цветок распустился — и немолчны уста. Женщина чуть приоткрыла алые губы и подхватила: Нефрит зазвучал — и струится улада. Оуян снова произнес: Поднимаюсь на терем, гляжу на север и юг. Девушка опять ответила: Иду по дороге, ем всякий досуг. Затем он бросил: Солнце всходит над облачными горами, круговорот высоты и низы; то восток грохочет, запад блещет, север и юг поливают дожди. Она в ответ: Луна восходит над серединой неба, цикл полноты и тошноты; то спереди волны, сзади буруны, справа и слева ветры.

Наконец Оуян Сю достал из кистиянки кисть, девушка растерла для него тушь и разгладила бумагу; он нарисовал один лотос и один корень лотоса, сопроводив рисунок строчкой: С чего же это мы внезапно встретились вдвоем? Девушка перехватила кисть из его рук, тут же пририсовала рядом абрикос и сливу со стихотворной надписью: Нам повезло — и не нужны сваты. В этот момент послышалось, как дверь каюты со скрипом закрылась, и где-то рядом раздался раскатистый смех старика Сяо.

Оуян Сю схватил ее нефритовые пальцы и прижал к груди; в полумраке они глядели друг на друга, и четыре искрящихся луча столкнулись на полпути, словно удар кремня о кресало, и высеченной искры вполне хватило бы, чтобы сварить всю рыбу в реке. Они не произносили ни слова, но в ту минуту тишина говорила громче любых слов...

Преодолев водный путь и проведя время в нежных душевных беседах, Оуян Сю наконец узнал, что девушку зовут Сяэр, и понял причину, почему при всей своей внешности простушки она обладала глубокой, чистой и утонченной благородностью истинной аристократки: она оказалась потомком прославленного при Ханьском роде ханьского ченсана Сяо Хэ, пожалованного титулом Цзоянского хоу во времена, когда уезд носил название Цзоян.

Отворив дверь каюты, Оуян Сю завел разговор со стариком Сяо о тяжбе из-за стелы. Старик подсказал: Когда я был маленьким, любил играть на Цзюлигане, и помню, что у подножия холма есть заметные слои мелкого песка и гальки, где даже можно найти рыбы кости. Оуян Сю кивнул с улыбкой, чувствуя себя абсолютно уверенным.

На третий день, когда солнце поднялось на три шеста, обе враждующие толпы с гамом и криками ввалились в зал судебных заседаний. Уездный начальник Оуян ударил колотушкой по судейскому столу, и народ мгновенно утих. Он прямо и без затей объявил: Обеим семьям разрешается воздвигнуть стелу. Услышав это, люди зашушукались друг с другом, а затем снова подняли гвалт, обвиняя Оуян Сю в том, что он виляет хвостом и пытается замазать дело. Уездный начальник вновь ударил колотушкой и приказал судебному секретарю вывесить карту, после чего пояснил: Прошлой ночью я изучил уездные летописи: до эпохи Сун река Иньхань протекала как раз мимо Цзюлигана, и песок, галька и рыбы кости у подножия холма могут тому свидетельствовать. В те времена селение Уцзяин и колодец Уцзянзин составляли одну общую деревню. В начале династии Сун русло реки Иньхань изменилось, и теперь вода потекла по низменным местам посреди деревни, заставив людей отступить, из-за чего вы и разделились на это селение и этот колодец. Скажу я вам, приговорка: Вода затопляет храм Ван-луна, а родные люди не узнают друг друга — создана специально для того, чтобы высмеять вас. Вы все одинаково происходите от У-сяна, так с какой стати вам не ставить стелу общему предку? Услышав такое, толпа разом прозрела: одни наперебой хвалили мудрость и проницательность начальника, другие принялись сокрушаться о глупости бесчисленных поколений предков, а в конце концов все как один рухнули на колени и вразнобой закричали: Светлый великий господин судит точь-в-точь как небожитель, светлый великий господин поистине человек от бога! Оуян Сю бросил: Свободны, поднялся, взмахнул рукавом и объявил: Суд окончен, после чего скрылся в задних покоях утешать свою красавицу. Люди поднялись с земли и в радостном настроении разошлись ставить стелу.

В уезде Цяньдэ объявился великий человек: уроженец Мэнлоу в пределах уезда Юй Хуалун дослужился до должности префекта Сянчэна. Однако он не смог должным образом навести порядок в собственном доме и строго воспитать детей. Его единственный сын по имени Юй

Жунхуа, которого в народе звали господином Юем, опираясь на власть батюшки, притеснял мужчин, похищал женщин и творил бесчинства, в одночасье став главным бедствием уезда, а народный гнев достиг предела. Кто бы мог подумать, что новоназначенный начальник Оуян оказался человеком, абсолютно не боящимся сильных мира сего! Для молодого господина Юя это стало все равно что налететь яйцом на камень самого царя подземного мира: его арестовали, казнили, а оглашенный приказ успокоил народ. Однако из-за этого Оуян Сю нажил влиятельных врагов и больше не мог оставаться на чиновничьем поприще. Тогда он выставил свои чиновничьи одежды и черную шапку на судейский стол и легко сбросил с себя бремя службы, возвратившись на малую родину. Перед самым отъездом как назло тяжело заболел старик Сяо, и отправляться в путь через силу было опасно — в чужих краях и помереть недолго, а умирать на чужбине негоже. Деве Сяэр поневоле пришлось проявить сыновний долг, и она осталась ухаживать за отцом, уединившись в Цяньдэ. Впоследствии у них родился сын, у того — свой сын, и так ветвь Оуян укоренилась в уезде Гуансянь.

В шестидесятые годы двадцатого века среди потомков рода Оуян в уезде Гуансянь жил некто по имени Оуян Гуан. Его родители, жена и близкие скончались, и при нем осталась лишь единственная дочь по имени Байчжоу, с которой они жили душа в душу, поддерживая друг друга. В 1966 году Оуян Байчжоу исполнилось ровно шестнадцать лет, и она училась в старших классах средней школы.

В тот год в Китае развернулась грандиозная и бурная пролетарская культурная революция. Учащиеся добровольно или по принуждению бросили учебу, чтобы участвовать в сумятице революции. Кан Шэн изрек: Школьники наедятся досыта — и у них начинается жар, им нужно буяннить; а зачем еще устраивать бунты, как не для этого! Эти слова выдали один секрет: они намеревались использовать темный, слепой энтузиазм молодежи для претворения в жизнь коварных планов определенной политической группировки.

Учащиеся во все времена являлись самым подвижным элементом исторических перемен, поскольку их податливость была слишком велика, а жизненного опыта они еще не накопили. Их до крайности легко использовать, превращая в несчастных жертв истории. Они вредили другим и калечили себя, губили окружающих и губили собственные судьбы. В иллюзорной революционной практике многие из них пассивно взлетели на самую вершину жизни и вытолкнули себя на авансцену политической арены, откуда последовавшая история безжалостно швырнула их вниз. То поколение не только предало самое себя, но и отбросило Китай назад по меньшей мере на пятьдесят лет.

В годы Культурной революции низы общества, веками копившие горькую обиду, при поддержке могущественных покровителей сверху и с молчаливого политического дозволения без всяких ограничений выплеснули накопившуюся злобу. У китайцев есть одна особенность: они боятся не бедности, а неравенства. Хуэйбины, состоявшие главным образом из студентов, в ходе кампаний по обыскам домов превратили зажиточные слои общества, занимавшие верхние ступени со времен Освобождения — высших кадров, старой интеллигенции, деятелей искусства и красных капиталистов — в абсолютных нищих, из-за чего Культурная революция стала походить на движение за всеобщее уравнивание бедных и богатых. В 1967 году во многих городах революция из погромов, грабежей, борьбы с неугодными и обысков переросла в ожесточенные вооруженные столкновения между различными фракциями с применением огнестрельного оружия и даже танков.

Более десяти миллионов учащихся скучковались в городах, занимаясь праздным хулиганством, что не только подрывало экономические возможности Китая, но и — для этих детей, у которых в ходе Культурной революции сформировалось совершенно новое восприятие социальной иерархии — означало, что существовавшая государственная система, казалось, утратила над ними последние рычаги политического контроля. Учитывая их заведенный в Культурной революции порядок сметать всё и вся на пути ста демонов и злых духов, переворачивать небо и землю и обращать всё в хаос, они вполне могли довести общественный строй Китая до неузнаваемости. При сложившихся обстоятельствах мудрый вождь в 1968 году издал дирекцию: Образованной молодежи — отправляться в деревню, принимать перевоспитание у бедняков и середняков... Перевести их из скученных масс в разрозненные группы, превратить из потребителей в производителей, растратить жар их юности под синевой неба, белыми облаками, среди желтых земель и высоких гор — поистине это решение трудно было назвать неумным. Огромный корабль в разгар швыряющих его девятибалльных волн избавляется от тяжелых грузов ради безопасности плавания; отправка молодежи в деревню тогда была именно такой мерой чрезвычайного спасения. Это напоминало то, как клюющего носом клонит ко сну и он ударяется лбом о край стола: такой толчок отрезвил их затуманенные головы, охладил их близкие к безумию души и предотвратил участь самоуничтожения целого поколения, а попутно избавил Китай от усугубления хаоса.

В 1968 году восемнадцатилетняя Оуян Байчжоу была внесена в списки направляемой в деревню молодежи с предписанием отправиться в путь в назначенный срок. Оуян Гуан был учителем словесности, а по совместительству вел уроки игры на гучжэне в уездном Доме народного творчества. В ту пору Культурная революция бушевала вовсю, школы закрылись, учить было некого; национальная музыка относилась к пережиткам четырех старостей, ее запрещалось преподавать, да и желающих не находилось. Поэтому Оуян Гуан бездельничал дома, и когда подошло время его любимой дочери ехать в деревню на перевоспитание, он просто не мог вынести разлуки. Тогда он исходил все дороги, измотал себе все языки и чуть было не заработал ярлык действующего контрреволюционера, но все же добился права отправиться в деревню вместе с дочерью. Они поселились в десятой бригаде реки Баохэ.

<http://bllate.org/book/22008/2287964>